

УДК 130.2 (72.01)

РЫНОК КАК ГЕТЕРОТОПИЯ

А.О. Георгиевская, А.А. Шестаков

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»,
г. Самара

Статья посвящена вопросу гетеротопии городских рынков. В первой части работы раскрываются история и вариации терминологии понятия «гетеротопия» на основе трудов М. Фуко, А.Ф. Филиппова, Н. Харламова, Н.А. Масталерж, а также рассмотрено мнение экспертов относительно применения термина «гетеротопия» к городской среде. В основной части приведены примеры городских рынков, которые наиболее ярко раскрывают суть гетеротопии относительно пространства рынка, на основе трудов М.М. Бахтина, В.П. Даркевича, К. Стил. Финальная часть работы содержит основные выводы.

Ключевые слова: рынок, рыночная площадь, гетеротопия, карнавал, театр, многофункциональность.

Рынки исторически сложились как самые противоречивые городские пространства, где отражаются все стороны человеческой жизни. Именно эти противоречия Мишель Фуко обозначил термином «гетеротопия».

По мере усиления процесса глобализации все более актуальным становится вопрос поиска региональной идентичности в городском пространстве. В качестве такого пространства рассматривается городской рынок, как место проявления локальных особенностей, культуры, истории и укладов в контексте городской среды. Явление гетеротопии можно отнести к городским рынкам, которые развивались исторически. Но есть множество примеров новых рынков или реконструированных, прошедших своего рода процесс джентрификации, т. е. лишившихся своих характерных черт, в том числе и тех самых противоречий (гетеротопий). В связи с этим актуально поднять вопрос о сути гетеротопии и о ее влиянии на городской рынок.

Терминология понятия «гетеротопия». Гетеротопия в городе

Гетеротопия в русскоязычных словарях в основном описывается как медицинский термин (от греч. *heteros* – «иной» и *topos* – «место») – атипичная локализация тканей или частей органов, другими словами, их наличие на не свойственном для них месте (R. Virchow) [5]. В основном этим термином обозначают врожденные аномалии развития, например нахождение элементов серого вещества головного мозга в белом. При этом пересадка тканей «на место» не приводит к их адаптации – они начинают жить своей жизнью, снова мутируя в избыточный фрагмент.

Медицинский термин вошел в теоретический дискурс о городских пространствах после 14 марта 1967 г., когда Мишель Фуко впервые прочел лекцию о специфических местах, которые «вносят разрывы в видимую бесшовность, непрерывность и нормальность повседневности», и назвал их «гетеротопия» [8]. Текст прочитанной лекции был опубликован

лишь в 1984 г. перед смертью автора под названием «О других пространствах» («Des espaces autres»). Кроме того, в 1966 г. в предисловии к своей книге «Слова и вещи» Фуко впервые употребил это слово в расширенном значении. За основу он взял греческие понятия «утопия» и «дистопия» – воображаемые модели «хорошего» и «плохого» общества (и, следовательно, жизни). Гетеротопия, где соединяются слова «другой» и «место», совмещает разные модели, у неё нет единого основания, она обозначает сам факт связи или соседства без достаточных оснований. Читатели и последователи среди архитекторов, урбанистов, планировщиков и географов проявляли неподдельный интерес к новому термину в своей области. Благодаря публикации 1984 г. в науках о пространстве появился новый классический источник. Понятие «гетеротопия» не было сформулировано Фуко четким определением, как и не была предложена систематизация способа его употребления. Фуко дал лишь абстрактные описания и примеры: корабли, кладбища, бары, рынки, бордели, тюрьмы, сады древности, ярмарки, турецкие бани и многое другое [7].

Фуко использует термин «гетеротопия» для описания определенных культурных, институциональных и дискурсивных пространств, которые, так или иначе, являются «другими»: тревожными, интенсивными, несовместимыми, противоречивыми или преобразующими. Гетеротопии – это миры внутри миров. Такое понятие довольно эзотерично, но менее эзотеричны и диалектичны предложенные следом «принципы гетеротопии» (описания гетеротопий): кризисная гетеротопия, «гетеротопии отклонения», «гетеротопии времени», «гетеротопии ритуала или очищения» и др.

Ученые, вдохновленные этим словом, не знали, как с ним работать, так как оно еще не было понятием, но уже обладало изотерическим «багажом». Коллоквиум 2005 г., организованный в Голландии, был нацелен на внесение ясности касательно «гетеротопий». Дискуссия рассматривала вопросы «постгражданского общества» в трактовке Фредрика Джеймисона [11]. Размывание границ между публичным и частным, появление в условиях постгражданского общества странных мест на стыке традиционного и капиталистического – для всего этого участниками коллоквиума было предложено использовать понятие гетеротопии [15]. Результат был опубликован в книге «Гетеротопия и город: публичное пространство в постгражданском обществе». Работа не характеризуется своей междисциплинарностью, так как участие принимали только специалисты по городскому планированию и искусствоведы. Такой дисциплинарный подбор отчасти объясняет характерное для книги внимание к устройству пространства, архитектуре и планированию, популяциям и социальным движениям [9].

В работе «О других пространствах» Фуко формулирует несколько принципов гетеротопий. На основании четвертого принципа, о связности гетеротопий с разрывами во времени [8], Дехаан и Де Каутер утверждают, что гетеротопия – это больше, чем пространство, это скорее пространство-время. Гетеротопия – это «праздничное пространство», которое также связано с принципом временности, прерывистости. Праздник приостанавливает ежедневную рутинность. Многие из примеров Фуко

обладали данной характеристикой: театр, кино, ярмарки, кладбища, бордели и сауны. Иногда временное становится постоянным, и наоборот [10].

Гетеротопия – это переменные пространства. На примере театра Фуко поясняет, что зал театра – это пространство реальности, а сцена – виртуальность. Во время театрализованного представления виртуальное становится реальным (реальное исчезает). Когда представление завершается, виртуальное завершается, мы возвращаемся в реальность.

Гетеротопия – это пространство посредничества. Греческий театр – посредничество между общественным и частным. Кладбище – посредник между миром живых и миром мертвых, а храм – посредник между миром богов и миром смертных. Спортивные стадионы символизируют границу между природой и культурой, между телом как манифестацией животноподобной жизни и натренированным телом как выражением окультуренной жизни [4].

В этом контексте перечисленных определений понятия «гетеротопия» и примеров пространств, соответствующих этим определениям, интересно определить, в чем суть гетеротопии рынка: какие именно противоречия он в себе содержит, в чем заключается посредничество и соседство каких социальных ритуалов можно встретить.

Городской рынок как гетеротопия

В терминологии Мишеля Фуко рынок – это типичная «гетеротопия», т. е. точка, где одновременно проявляются разные аспекты человеческого существования и сходятся несколько сфер нашей жизни, которые «сами по себе несовместны» [8]. Рынки – крайне противоречивые пространства, но в этом-то все и дело. Это пространства, созданные едой, а ничто не воплощает в себе жизнь полнее, чем еда.

Наиболее яркие примеры отражения гетеротипических признаков в городских рынках раскрывает Кэролин Стил в своей книге «Голодный город», где приводит примеры противоречий греческого рынка, средневекового и некоторых других, выделяя рынок трагический, комический и политический. Автор утверждает, что когда-то присутствие еды в городе порождало хаос, но это был необходимый хаос, столь же неотделимый от жизни, как сон и дыхание. Едой торговали прямо на улицах, под открытым небом, в основном для того, чтобы власти (например, парижская хлебная полиция) могли надзирать за процессом [6].

Противоречивость рыночного пространства хорошо отражает множество сценариев, там реализуемых. В городском пространстве у всего есть свое правильное место: кино смотрим в кинотеатрах, правосудие вершится в здании суда, за хлебом ходим в магазин. Рынок же стал местом неправильных функций, которые должны происходить в других местах. Говоря языком Мишеля Фуко, рынок – это «другое» место: тревожное, интенсивное, несовместимое и противоречивое. Сплошные гетеротопии – миры внутри миров. И вот некоторые из этих миров.

Театр

Рынок часто был местом церемониальных функций, поскольку являлся почти единственным вместительным общественным пространством города. Стил приводит в пример гравюру, где можно увидеть, как преображался Чипсайд к въезду в город Марии Медичи в 1638 г. Улицы были украшены всевозможными атрибутами праздника: торжественными трибунами с полосатыми навесами и знаменами. Люди из торговцев и покупателей перевоплощались в участников торжества. Аристократы с трибун наблюдали за процессией карет, сопровождаемой алебардистами и барабанщиками. Фахверковые здания самого рынка использовались как галерка для зрителей – ничто не выдавало рынок – это было естественно сложившееся театральное пространство [6].

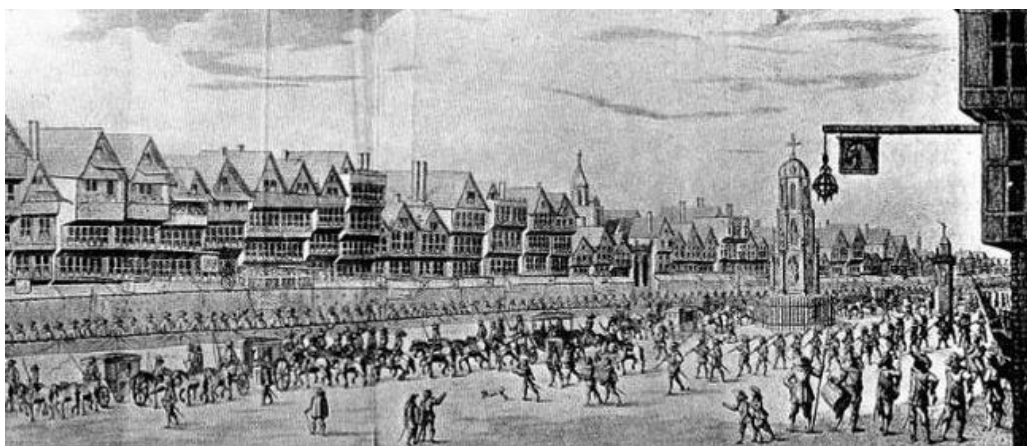

Рис. 1. Церемония на рынке Чипсайд во время въезда в город Марии Медичи в 1638 г.

В понимании Фуко, гетеротопия – это «праздничное пространство», театрализованное, где виртуальное сменяется реальным после окончания действия. В Лондоне таким пространством была площадь Коvent-Гарден. Первоначальный рынок из деревянных прилавков и навесов возник в 1654 г., а в 1830 г. по проекту Чарльза Фаулера было построено неоклассическое рыночное здание, которое сегодня является сердцем Коvent-Гардена. Несомненно, близость Королевского театра Друри-Лейн оказала влияние. Уличные развлечения и кукольные представления вышли за пределы стен театра к стенам рынка, ближе к овощам и фруктам. С тех пор и до сегодняшнего дня каждый день в году, кроме Рождества, уличные артисты рассказывают комичную историю английских кукол Панча и Джуди.

Карнавал

Период Средневековья ярко раскрывает комическую суть рынка. Пародии, драки, ругательства и остроты вперемешку с карнавальным действием: маскарадами, состязаниями, танцами и ряжением. Карнавал – это «мир наоборот, наизнанку»: люди, в обычных (некарнавальных)

условиях изолированные друг от друга сословно-иерархическими и житейско-бытовыми барьерами, вступают в область вольного, чистого – без дистанции – отношения человека к человеку и к миру [3].

Рис. 2. Картина Питера Брейгеля Старшего (1559) «Битва Масленицы и Поста». Карнавал на фрагменте слева. Пост на фрагменте справа

Картина Питера Брейгеля «Битва Масленицы и Поста» 1559 г. отражает кульминационный момент праздника. Рыночная площадь в дни перед Великим постом становится местом поединка карнавала и поста в лицах толстяка верхом на бочке и тощего мужчины, переодетого монашкой. Оба вооружены: карнавал отбивается поросенком на вертеле, а пост – деревянной лопатой с двумя рыбинами. Контраст между двумя сторонами современной жизни, представленными трактиром слева, с группой пьяниц поблизости, и церковью справа, с группой хорошо воспитанных детей, сидящих рядом. Это сопоставление иллюстрирует и противопоставляет две стороны человеческой природы: удовольствие и религиозное целомудрие. На заднем плане жизнь идет своим чередом. Изображены люди, занимающиеся обыденными делами: женщины готовят постную рыбу, мужчины несут вино из гостиницы – как напоминание о временности события и скором возвращении в реальность.

На картине не случайно изображен мужчина с мясным пирогом на голове и с мешком ножей за поясом, что указывает на то, что он мясник. Во-первых, само слово «карнавал» происходит от латинских слов *carnis* (мясо) и *levare* (удалять) [6], а в соответствии с народной этимологией – «прощай мясо». Во-вторых, гильдия мясников традиционно обеспечивала мясом карнавальные застолья. И в какой-то степени благодаря им появился традиционный нюрнбергский шембартлауф, или «Бег Шембарта» – средневековый «воцерквленный карнавал», проводившийся с 1449 по 1539 г. Ранее во главе карнавальных шествий стояли ремесленные корпорации, но в 1349 г. нюрнбергские ремесленники восстали против городского совета с требованием быть представленными в совете наряду с патрициями. Гильдия мясников не участвовала в восстании, за что якобы в награду как привилегия им был подарен шембартлауф, который впервые прошел в Нюрнберге.

Рис. 3. Нюрнбергский карнавал, 1487 г. «Корабль дураков»
во время карнавала

В своей книге «Народная культура средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве IX – XVI вв.» В.П. Даркевич подробно описывает суть карнавальных процессий, в частности нюрнбергского карнавала. Во главе театрализованного шествия был корабль на колесах, заполненный шутами – мореходами и чертями. Корабль – принадлежность древних культов умирающих и воскрешающих божеств плодородия. Вокруг него кипело народное гулянье: хороводы, танцы, люди в зооморфных или демонических масках, пародийные похороны, состязания и бои, игры с медведями и многое другое, что невозможно представить в реальной городской жизни [2].

Михаил Бахтин в книгах «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» и «Проблемы поэтики Достоевского» выделяет термин «карнавализация» как противостояние трагического и эпического. Одним из признаков карнализации он считает амбивалентность – одновременную причастность, как к воплощённой конечности, так и к воплощённой незавершённости. Карнавал через пародийность несет в себе заряд обновления – карнавальной правды. Весь существующий мир рушится и обновляется, человек возвращается к самому себе. Карнавал есть смех, смех – это подлинная жизнь [1].

Гротеск – верный спутник карнавала. С помощью гротеска усиливается эффект карнавала, его «лечебное свойство» в качестве «предохранительного клапана» и «механизма» социального равновесия в средневековом обществе [2]. Народный гротеск отражает момент смены мрака светом, ночи утром, зимы весной.

Насилие

Кроме комического пространства праздника и гуляний, рыночные площади часто становились местом народных волнений, мятежей и казней. На примере карнавала можно увидеть слишком тонкую грань между весельем и насилием. Гетеротопия рынка хорошо прослеживается в этом феномене: ритуальное способно стать реальным. В Лондоне таким местом был рынок Смитфилд, где в средневековые времена проводились соревнования, летние ярмарки и, конечно, случайные или неслучайные казни. Известные инакомыслящие и еретики, включая Уильяма Уоллеса (Храброе Сердце, который был казнен здесь в 1305 г.) и Уота Тайлера, одного из зачинщиков Крестьянского восстания 1381 г., были казнены в

Смитфилде. В период с 1555 по 1558 г. более 50 протестантов были сожжены на костре за свои убеждения во время правления королевы Марии I (Кровавой Марии), включая священнослужителей, портных и служанок [14]. В доиндустриальных городах народное недовольство в любой момент могло выплеснуться на поверхность. Естественно, главной ареной таких волнений служили рынки, не в последнюю очередь благодаря их связи с едой. Одно из таких восстаний случилось на Староместской площади в Праге. Закончилось все казнью 27 лидеров восстания против императора Матиаса в 1621 г. [13].

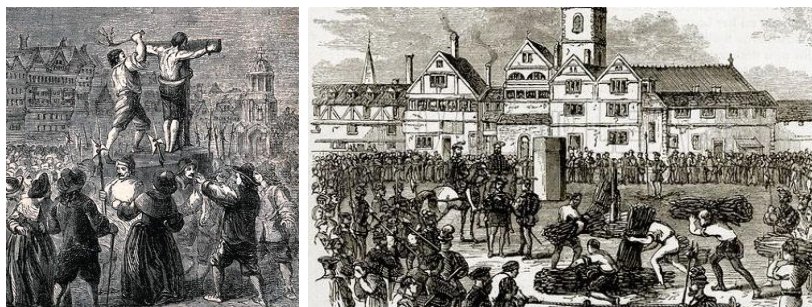

Рис. 4. Казни на рынке Смитфилд, XIV в.

Политика

Рынок, как истинное гетеротопическое пространство, где одна функция сменяет другую или существует параллельно, – переменное пространство. Еда и политика в этом смысле не исключение. Политическая жизнь города, особенно доиндустриального, неотделима от рыночных площадей, центров общественной и политической жизни. Самый яркий пример – Агора. Место, где рождалась демократия, разворачивались самые драматические моменты человеческого бытия и философского знания, здесь же по периметру в тени колоннад велась бурная торговля [10]. Торговля едой в Агоре была столь же важна для людей, ее покупавших, как и разворачивающиеся политические интриги.

Не только рыночная площадь может быть сочетанием политического и торгового. Палаццо делла Раджоне в Падуе – пример здания, где еда и политика располагались по соседству на разных этажах. Заседания городского совета проходили на втором этаже в одном из самых больших залов Европы (87 м длиной, 27 м шириной и 24 м высотой), а на первом – торговые галереи и лавки. Политическая судьба города вершилась прямо над рынком – истинной городской жизнью.

Часто на рыночных площадях возводился market cross (рыночный крест). Market cross – это небольшое сооружение, которое использовалось для обозначения рыночной площади в торговых городах, где право на проведение регулярного рынка и ярмарок было предоставлено монархом или епископом. На вершине второго этажа возвышался крест в знак благословения на честную торговлю, откуда и название «market cross». Таким образом, рыночный крест был символом власти и инструментом регулирования в то время крайне хаотичной торговли. Он напоминал часовню и располагался в центре площади. Например, рыночный крест в Норвиче, построенный между 1501 и 1503 гг., был восьмиугольной

формы и достигал высоты от 18 до 21 м. В центральном здании находилась молельня, которую занимал священник. После 1530 г. молельня стала кладовой. Восьмиугольный постамент превратился в торговый пассаж из маленьких киосков. А в 1549 г. на кресте была установлена временная виселица для массовой казни 60 участников восстания, что снова возвращает нас к теме гетеротопии рынка как судилища.

Еще одна противоречивая сторона рынка проявилась в 1574 г. в роли «социальной службы». Был принят местный закон, требующий, чтобы все безработные мужчины собирались у рыночного креста каждое утро в 5.00 утра вместе с инструментами своей торговли и оставались там в течение часа в надежде, что им предложат работу. Был нанят костоправ, чтобы лечить любых людей, которые утверждали, что они непригодны для работы из-за травмы [12]. Правда, успех такой схемы борьбы с безработицей не зафиксирован.

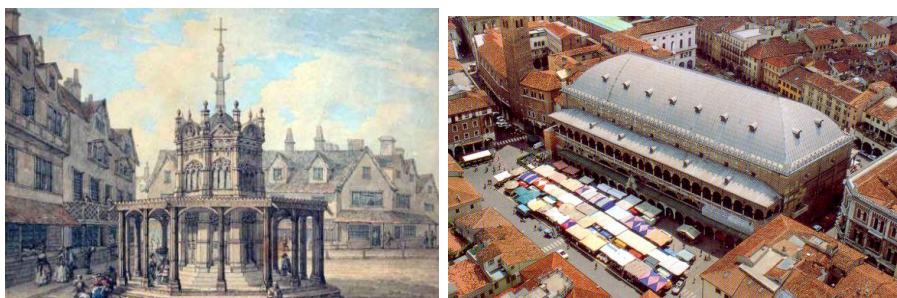

Рис. 5. Слева – рыночный крест в Норвиче.

Справа – Палаццо делла Раджоне в Падуе

Культура

Противоречивость пространства рынка выражается в том числе и через культуру. Культуру в значении городских укладов, иногда очень разных, принадлежащих разным социальным группам или разным временным периодам. Рынок в этом смысле место отражения самых ярких локальных особенностей и характерных черт, присущих конкретному месту и обществу. Гетеротопия здесь проявляется через посредничество между разными сценариями, иногда крайне противоречивыми. Рынок Ле-Аль в Париже наиболее точно отражает суть этого феномена.

Ле-Аль – место социального демократического обмена, сосредоточение культурной и общественной жизни Парижа. Он существовал с XII в. и на протяжении веков был буквально единственным поставщиком продовольствия в город. В 1789 г. на месте Кладбища Невинных в самом центре Парижа открыли цветочный, фруктовый и овощной рынок. Между 1852 и 1870 гг. по проекту Виктора Бальтара были построены 12 павильонов из чугуна и стекла (в 1936 г. последние два). Фактически рынок работал каждый день с 3 часов утра и до 8 утра, и даже каждую ночь, кроме понедельника. В 10 часов вечера приезжали торговцы с пригородов. Этот огромный рынок распространялся на соседние улицы. В общей сложности Ле-Аль занимал почти 30 гектаров. Для удовлетворения appetитов Парижа почти 5 миллионов тонн грузов доставлялось на поезде до вокзалов города. В 1873 г. Эмиль Золя использовал метафору «чрево Парижа» в своем одноименном романе.

Рис. 6. Слева – съемки фильма «Не трогай белую женщину» на месте рынка Ле-Аль. Справа – лыжный спуск внутри павильона рынка Ле-Аль

Благодаря новой архитектуре из стекла и чугуна появилась новая концепция архитектуры, как единого целого, органичного пространства. Конструкция перекрывала почти 4000 квадратных метров внутреннего пространства, размывала традиционные границы между улицей и зданием, между внутренним и внешним, частным и государственным. Один павильон рынка представляет собой блок, который может тиражироваться сколько угодно количество раз, в зависимости от требований функциональной программы. Архитектура дала необходимую степень свободы рынку, и получилось нечто невероятное – рынок стал «чревом Парижа». Он представлял собой настоящий «город в городе» с собственным населением, традициями, правилами, тавернами и даже особыми часами, которые показывали не только время суток, но и время года. По словам энциклопедиста Дени Дидро, жители этого города отличались независимостью суждений: «Вот вам крамольная мысль. Труды Лабрюйера и Ларошфуко покажутся банальным чтивом рядом с изощренностью, остроумием, бунтарством и глубиной суждений, что можно услышать в Ле-Аль за один торговый день» (цит. по: [6]). Рынок был сосредоточением всего: вдохновением для творческой интеллигенции во главе с художниками, поэтами, журналистами; убежищем для бедняков; рассадником политического брожения для носильщиков, которые были зачинщиками любых волнений; головной болью для городской администрации. В 1969 г. властями Парижа было принято решение перенести рынок на окраину города. В 1971 г. Муниципальный совет на 10-часовой сессии, завершившейся в 2 часа ночи, принял план сноса рынка Ле-Аль.

Решение снести рынок еще больше усилило проявления гетеротопических качеств этого места. На протяжении трех лет 12 павильонов рынка превратились в место действия настоящего перформанса. Люди, которым была небезразлична судьба рынка, в пустых павильонах организовывали выставки, театральные и танцевальные постановки, церковные проповеди, каток и лыжный спуск, ярмарки и концерты, а также митинги в защиту рынка. И даже после сноса Ле-Аль продолжает поражать своей парадоксальностью. Котлован, который был вырыт в 1973 г. для нового торгового центра на месте рынка, вдруг становится декорациями Дикого Запада с ковбоями из приключенческого вестерна под названием «Не трогай белую женщину».

Выводы

Гетеротопия в городе, с точки зрения мнений экспертов, приведенных в статье, обладает рядом свойств. Она состоит из разных контекстов, которые объединяет лишь свойство совмещать в одном пространстве функции и фрагменты многих пространств. Гетеротопия – это «праздничное пространство», а также пространство и время или пространство реальности и виртуальности. Одна из главных характеристик гетеротопии – это подобие городу в городе или мирам внутри миров.

Городской рынок на протяжении истории развития городов был одним из самых сложных и неоднозначных общественных пространств: тревожным, волнующим, праздничным, отталкивающим, пугающим или очаровывающим. Такая переменность выражена в исторических примерах, которые показывают, что рынок мог быть театром, карнавалом, политической ареной, местом казней и насилия, местом сосредоточения городской культуры.

Городской рынок в зависимости от контекста урбанистической структуры оказывается гетеротопическим пространством, местом действия различных сценариев, противоречивых функций. Противоречивость становится характерной и уникальной чертой, или ценностью, как в случае с рынком Ле-Аль. Появление в середине XIX в. новой архитектуры из чугуна и стекла и вместе с тем возможность перекрывать большие пространства, создавать тиражированные блоки таких пространств оказали влияние на их функционирование. В случае с рынком гетеротопия стала возможной не только на рыночных открытых площадях, но и в зданиях, представлявших собой архитектурную оболочку, которая больше не диктовала конкретную функцию, а располагала к развитию любого сценария. Поэтому в 1971 г. внутри одного из павильонов рынка Ле-Аль с легкостью поместился лыжный спуск, в другом – ничто не мешало организовывать концерты, а в третьем – церковные проповеди. Безусловно, не каждый рынок является гетеротопическим пространством. Рынок как гетеротопия возникает под влиянием существующего городского контекста, истории, культуры и укладов, на которые накладываются временные события или нечто иное: все, что создает противоречивость, гротеск и амбивалентность.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 541 с.
2. Даркевич В.П. Народная культура средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве IX – XVI вв. М.: Наука, 1988. 344 с.
3. Карнавализация [Электронный ресурс] // Литературный энциклопедический словарь. URL: <http://www.niv.ru/doc/encyclopedia/literature/articles/54/karnavalizaciya.htm> (дата обращения: 11.02.2020).
4. Масталерж Н. А. Третье пространство. Общая теория гетеротопии Мишеля Дехана и Ливена де Каутера // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2012. 3 (7). С. 35–39.

5. Словарный запас [Электронный ресурс] // Strelka Magazine. URL: <https://strelka.com/ru/magazine/2016/09/14/vocabulary-heterotopia> (дата обращения: 04.03.2020).
6. Стил К. Голодный город: Как еда определяет нашу жизнь. М.: Strelka Press, 2014. 456 с.
7. Филиппов А.Ф. Гетеротопология родных просторов // Отечественные записки. 2002. № 6–7. С. 48–62.
8. Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избр. политические статьи, выступления и интервью: в 3 ч. М.: «Праксис», 2006, Ч. 3. С. 191–204.
9. Харламов Н. Гетеротопии: странные места в городских пространствах постгражданского общества // Журнальный клуб Интелпрос «Синий диван». 2010. № 15. С. 189–197.
10. De Cauter L. Dahaene M. A space of play: towards a general theory of heterotopia // Heterotopia and the city: public space in a postcivil society. London\$ New York: Routledge, 2008. P. 87–102.
11. Jameson F. & Speaks M. Envelopes and Enclaves: The Space of Post Civil Society (An Architectural Conversation) // Assemblage. 1992. № 17. P. 30–37.
12. Norwich Market [Электронный ресурс] // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Norwich_Market (дата обращения: 11.02.2020).
13. Old Town Square - the centre of historical Prague [Электронный ресурс] // Prague.cz URL: <http://www.prague.cz/old-town-square/> (дата обращения: 11.02.2020).
14. The Execution Sites of London [Электронный ресурс] // Historic UK. URL: <https://www.historic-uk.com/HistoryMagazine/DestinationsUK/ExecutionSitesinLondon/> (дата обращения: 11.02.2020).
15. Variations on a Theme Park: The New American City and the End of Public Space / ed. By M. Sorkin. New York: Hill & Wang, 1992. 272 p.

MARKET AS A HETEROTOPIA

A.O. Georgievskaya, A.A. Shestakov

Samara State Technical University, Samara

The article is devoted to the problem of heterotopy of urban markets. The first part of the paper examines the history and variations of the terminology of the concept of «heterotopia» on the basis of the works of M. Foucault, A.F. Filipov, N. Kharlamova, N.A. Mastalerz, as well as the opinion of experts on the application of the term «heterotopia» to the urban environment. The main part contains examples of urban markets, which most clearly reveal the essence of heterotopy with respect to the market space, based on the works of Mikhail Bakhtin, V.P. Darkevich, and K. Steele. On this basis, the main conclusions are formulated in the final part.

Keywords: *market, marketplace, heterotopia, carnival, theatre, multi-functionality.*

Об авторах:

ГЕОРГИЕВСКАЯ Алина Олеговна – аспирантка Архитектурно-строительного института, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара. E-mail: georgievskaya.a@gmail.com

ШЕСТАКОВ Александр Алексеевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университета», г. Самара. E-mail: shestakovalex@yandex.ru

Authors information:

GEORGIEVSKAYA Alina Olegovna – PhD student, Samara State Technical University, Institute of Architecture and Civil Engineering, Samara. E-mail: georgievskaya.a@gmail.com

SHESTAKOV Alexander Alekseevich – PhD, Professor, Chair of the Department of Philosophy, Samara State Technical University, Samara. E-mail: shestakovalex@yandex.ru